

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ И НЕПАРАДОКСАЛЬНОЕ В СМЕХЕ

Побудительные причины смеха, его объект или особенности субъекта нередко парадоксальны (Парадоксальное, парадокс – неожиданные, странные высказывания, выводы, поступки, реакции на различные объекты, противоречащие общепринятым взглядам или нормам, здравому смыслу. (Но далеко не всегда ошибочные.) О формально-логических парадоксах здесь речь не идёт.) Вероятно, возможны случаи, когда их парадоксальность абсолютна, т.е. не имеет какой-либо культурно-традиционной или психологической специфики и совершенно необъяснима, не поддаётся интерпретации ни интуитивно-образными, ни логическими средствами и формами.

Однако, чаще всего, парадоксальное в смехе имеет непарадоксальную основу, либо является таковым в конкретном отношении. Таким образом, парадоксальное вовсе не абсолютно и связано с непарадоксальным, сопутствует ему. В нашу задачу входит выявление непарадоксального в парадоксальном, рассмотрение их взаимосвязи, взаимовлияния и взаимообусловленности.

Нам с детства знакома история (с различными вариациями) царевны (принцессы) Несмеяны. Казалось бы, всё у неё есть: молодость, здоровье, красота, богатство, любящие родители, толпы поклонников. И скрытого горя, тайной или неразделённой любви у царевны нет. Однако, страдают родители, да и дочь чувствует себя неуверенно. Она сердится, капризничает. И всё из-за того, что не может рассмеяться. То ли объект подходящий не нашла, то ли психофизиологические затруднения у неё.

Ну и что? – как говорится, – нам бы её проблемы! А родители полцарства (в других вариантах всё царство) и руку дочери в придачу обещают тому, кто сумеет её рассмешить. Всё кончается счастливо, – царевна рассмеялась...

Сопоставим этот сюжет с другим, менее известным. Некий мальчик Тим Талер (знаковая фамилия!) – сирота и очень беден. Но смеяться умеет звонко и заразительно. Однажды к нему является странный покупатель, предлагающий мальчику продать ...смех. Взамен – богатство, исполнение всех желаний. И Тим с радостью соглашается. Прошли годы. Тим Талер стал одним из самых богатых людей на земле. Любые его пожелания тотчас исполняются. Только способность смеяться он утратил навсегда. И от этого мучается, страдает, ничто его не радует. Но сделка состоялась, и вернуть смех Талер не может.

На первый взгляд, причина волнений и переживаний героев обоих сюжетов несерьёзна и парадоксальна. Однако, вдумчивое осмысление и понимание философской глубины текстов приводят к противоположному мнению: причина переживаний действующих лиц очень серьёзна, а смех имеет непреходящее значение в жизни каждой личности и в культуре человечества. И дело не только в том, что смех – одна из существенных характеристик человека как вида. Гипотетически, отдельные представители *homo sapiens* могут быть лишены способности смеяться, не утрачивая при этом человеческую суть.

Но смех – это включённость людей в конкретно-историческую систему ценностей, причастность к текущим событиям, к другим «Я», способность оценки ситуации и адекватной реакции на неё. Смех – выражение полноты бытия личности. Без него жизнь утратит краски, сузятся психофизиологические возможности человека, и чувствовать он себя будет, если не несчастным, то обделённым. Поэтому очевидна мудрость литературных произведений, упоминавшихся выше. И непарадоксальны старания родителей уберечь Несмеяну от такой доли и страдания Тима Талера, избравшего себе, по недомыслию, подобную судьбу.

Смех возникает в результате сложного синтеза действия различных, иногда разнонаправленных факторов: психофизиологических, социокультурных, сочетания конкретных условий и обстоятельств. Как феномен он многомерен и многозначен. Смеховая ситуация, в которой реализуется смех, имеет свою структуру. Её основные компоненты – субъект или субъекты смеха, объект и отношение между ними. В отличие от гносеологической, в смеховой ситуации возможно одновременное множество различных объектов смеха, (в частности, в праздничных играх и карнавалах), а также субъектно-субъектные отношения, – когда одним субъектом смеха другой не опредмечивается, воспринимается не обезличенно, а как полноценная индивидуальность, что не исключает посмеивания над какими-либо его привычками, жестами, слабостями. Возможны ирония, подсмеивания над собой.

Если субъект смеховой ситуации количественно измерим (в совокупности, это всё человечество) и, в определённой мере, может фиксироваться качественно, например, типологически по разным основаниям: психологическим, физиологическим, социальным, цивилизационным, региональным и др., то объект смеха неизмерим и неисчерпаем ни количественно, ни качественно. Хотя наиболее распространённые объекты смеха в обобщённом виде могут быть представлены. К ним, обычно, относятся человеческие недостатки и пороки, неудачные действия, противопоставления «верха» и «низа» и др. Но и здесь диапазон смеховых вариаций столь обширен, что вряд ли можно их все выявить, а тем более исследовать. Парадоксальность в смехе, как феномен культуры, носит оценочный характер и зависит как от цивилизационных, так и от индивидуально-психологических и соматических особенностей личности. Парадоксальное в смеховой ситуации связано, прежде всего, с объектом. Известно выражение: скажите, над чем смеётесь, и я скажу, кто вы. Не претендуя на полноту выявления и описания парадоксальных объектов смеха, рассмотрим, упорядочив по тематике, некоторые из них.

Пороки и недостатки человеческого рода как объект смеха.

В разных культурах, разделённых ментально, пространственно и хронологически, к отрицательным, как правило, относятся одни и те же или схожие поступки людей. Это свидетельствует об их универсальности и однотипности оценок. (Об отклонениях от типического, уникальностях в данном случае речь не идёт.) С древности до нашего времени актуально высмеивание нахальства и невежества, лицемерия и жульничества, обжорства и лени, жадности и трусости и т.д. Осмеяние подобных черт узнаваемо, ожидаемо и, в общем-то, достаточно традиционно. Парадоксальной может быть форма осмеяния объекта, гиперболизация, карикатурная образность. Так, обжора, уже в средневековой Европе, а позднее и в период Возрождения, изображался с огромным животом, который везут несколько телег, ленивый – заросшим паутиной, невежда не знал, сколько пальцев у него на руках и т.п. Парадоксально для современного человека высмеивание, например, учёности (не шарлатанства) или бережливости, что встречалось в раннефеодальном обществе. Рыцарство этого периода подшучивало над учёной «молью», «хилыми и бледными седоками», оседлавшими не коня, а скамьи. Бережливые и экономные сравнивались с крысами, кротами, у которых всё ценное гниёт в норах. Подобное отношение к названным чертам в то время – непарадоксально и объясняется тем, что для рыцаря наиболее важными качествами являлись мужество, доблесть, походы, военные подвиги, а феодальная знать ориентировалась на щедрость, дарение, жизнь на широкую ногу. Богатство было не самоцелью, а имело «престижное» статусное значение.

Парадоксален и смех как альтернатива безысходности, безвыходности или «серьёзной» критике какого либо социального среза действительности, так называемый «смех сквозь слёзы». В известном бродячем сюжете сборщики податей сначала сталкиваются с гневом и протестами населения против непомерных поборов, посланные

правителем повторно – с их слезами и плачем, а в третий приход мытарей все смеялись. Тогда правитель понял, что брать больше нечего...

Телесность, тело как объект смеха.

В зависимости от типа цивилизации, мировоззренческой ориентации и конкретных ситуаций человеческое тело служило объектом восхищения и пренебрежения, возвышения и унижения, слёз и смеха. Часто столь разнонаправленное отношение к телесному сосуществовало в одном и том же обществе, представляя разные социальные слои и группы. В смеховой традиции, начиная с древнейших культур, человеческое тело занимает видное место. У австралийских племён, к примеру, каждая стадия инициальной обрядности (обмазывание мальчиков жиром, подбрасывание в воздух, раскраска тела, обрезание) сопровождалась особыми ритуалами, элементом которых были весёлый смех, шутовское касание и похлопывание тела, остроумные сравнения. Античность представила немало образцов комического, связанного с внешностью или физиологией человека. В греческих эпиграммах высмеиваются носатые, языкатые, чрезмерно толстые или худые, «продырявленной бочке» подобные. В комедийном сюжете Эпихарма «Бусарис» глотка у Геракла во время еды «гудит, челюсти скрипят, зубы стучат, коренные зубы трещат, носом он шипит, а уши ходят ходуном». (1, с.150) Актёры аттической комедии выступали в ярких пёстрых костюмах с гиперболическими частями тела – огромным задом или брюхом, горбом. В комических масках были огромный рот, приплюснутый нос, выпученные глаза. Парадоксальное здесь в натурализме символических персонажей, гиперболизации отдельных черт. Представленность комедийных вариантов телесности в обобщённом виде сочеталась с конкретными адресатами клоунады.

В средневековье и, особенно, в эпоху Возрождения телесное как объект комического всё более утрачивает индивидуальное начало, приобретая универсально-символическую значимость. При этом, части тела, отделяясь от него как целого, становятся самостоятельными знаковыми фигурами. О месте телесного в смеховой культуре средневековья и возрождения достаточно подробно писал М. М. Бахтин (2). Распространёнными комическими образами-символами были живот (символ обжорства), рот (поглощение, уничтожение), язык (болтливость, сплетни). Особое место принадлежало носу. С чем только его ни сравнивали! С плугом и трубой, насестом для птиц и якорем, с хоботом слона и вешалкой для шляп или рыболовным крючком... Но главное смысловое назначение носа – фаллический символ. Чаще всего, именно в этой функции образ носа использовался в народных праздничных шествиях, комедийных сценах, фривольных песенках, что достаточно парадоксально для современников. Утрачивая давний смысл, в новое и новейшее время части тела, в основном, приобретают индивидуальные черты соматической целостности, характеризуя особенности конкретных людей. В этом плане характерны перипетии Сирано-де-Бержерака в одноименной пьесе Э. Ростана.

Правила и нормы поведения как объект смеха.

Этикет, как совокупность общепринятых, упорядоченных правил (норм), стандартизирует поведение людей в типических ситуациях, регулирует отношения между ними, представляя внешнюю культуру общения. И ничего смешного в этом нет. Однако, в ряде случаев отдельная этикетность кажется парадоксальной, что и вызывает смех. В рамках одной и той же цивилизационной общности поведенческие стереотипы разных социальных групп (особенно при регламентированности этикета «по статусу») могут не совпадать или даже противоречить друг другу, давая повод для взаимного недопонимания и насмешек. В светских кругах Западной Европы (от средневековья до нового времени, включая XVIII ст.), посмеивались, иронизировали над грубыми, примитивными (с их точки зрения) манерами простолюдинов, что нашло отражение в дошедших до нас наставлениях, описаниях нравов и быта того времени. А народные «низы» своё отношение к манерности,

вычурности поведения знати выражали в различного рода пародиях и клоунадно-балаганных действиях.

Но более неожиданны, на наш взгляд, несоответствия бытовых норм у народов, относящихся к разным культурам одного и того же исторического периода или разделённых временем. Они не всегда понятны, нередко противоположны правилам поведения, сложившимся в собственной социально-культурной среде и воспринимаются её представителями как странные, нелепые, смешные. Насмешливое недоумение, например, вызывают у отдельных путешественников европейцев экзотические знаки приветствия у некоторых народностей Севера, Африки, Южной Америки: трение носами, свист, убирание рук за спину при встречах. Или закрывание лица при приёме пищи у туарегов (Африка), чавканье во время еды в Японии как выражение удовольствия, бытующее среди аборигенов Африки разжёвывание пищи для гостей как знак особого гостеприимства.

Описывая этикетный обычай женщин одного из африканских племён прикреплять к юбке столько бантиков (ленточек), сколько было у неё мужчин и гордиться этим, М. Монтень с иронией подчёркивает: что не принято в своём обществе – будет выглядеть смешным или даже безнравственным. Хотя представлена только другая система ценностей. Понимая это, мы, тем не менее, с улыбкой говорим о поясе целомудрия для жён средневековых рыцарей, находящихся в походе, об этикетном правиле светских дам (вплоть до XVIII века) ходить на балы с палочкой и коробочкой (для почёсывания головы, ловли и упрятывания насекомых). Неизменный смех (из опыта общения с молодёжью) вызывают наставления Петра I не дуть в холодец, чтобы везде брызгало, не плевать через стол, не вытирать руки о спину соседа. Добродушный смех над застенчивыми, часто утратившими связь с причинами своего появления или канувшими в прошлое нормами естественен и предполагает более высокий (желательно) уровень ценностного освоения действительности.

Любовь и смерть как объекты смеха.

Парадоксальной представляется сама возможность смеяться над этими основополагающими модусами бытия и небытия человека. Любовь – одна из наиболее высоких ценностей и стимулов деятельности людей. Об этом свидетельствует фольклор, философская и художественная литература, музыка и живопись. В то же время, народное творчество, профессиональное искусство, реальные нравы подтверждают и другое. Любовь, в первую очередь, интимные чувства и отношения между полами (о других видах любви здесь речь не идёт) служили объектом смеха в исторически обозримом культурном пространстве. В обществе, сохранившем архаически-традиционный уклад, шутки и веселье в любовных отношениях чаще всего связывались с праздниками и идеями посевов и плодородия, выражая амбивалентность символики. В африканском племени ндембу существует ритуал шуточных состязаний. Парадокс его в том, что чем больше мужчины и женщины высмеивают гениталии друг друга, тем более они стремятся к соединению. (6, с.156 – 158). Смеховое начало и любовная тема в культурах древности, средневековья, Возрождения и нового времени имеют много смыслов, но преобладают, с отличительными чертами каждой эпохи, два основных. С одной стороны, шуточные или язвительные, гротескные описания любовных уклад отражают протест авторов против табуирования темы, напыщенного воспевания только стерильно-платонических чувств, против ханжества, аскетизма, очернения церковными или светскими правящими кругами сексуальной жизни.

С другой, – высмеивались не искренние чувства, а сопутствующие интимным отношениям, в ряде случаев, распутство, притворство, пошлость, корыстность, цинизм и др. Соединяясь, эти две тенденции образуют причудливые узоры авантюрных, проникнутых юмором и эротическими мотивами, сюжетов и многоцветную мозаику жизнерадостных, иногда фривольных или гротескных, образов и характеров. Достаточно

вспомнить «Золотого осла» Апулея, «Декамерон» Бокаччо, «Цветы сливы в золотой вазе» неизвестного автора (Китай), «Корабль дураков» С. Брандта. Объектом смеха служила и манера смеяться: мимика, жесты, тональность. В иронической поэме Овидия «Наука любви» среди советов девушкам и женщинам оболщания мужчин есть и умение соблазнительно смеяться:

Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами и пусть ямочкой ляжет щека.
Не сотрясай без конца утробу натужливым смехом –
Женственно должен звучать и легкомысленно смех.
А ведь иная, смеясь, неумело коверкает губы,
А у иной, на беду, смех на рыданье похож,
А у иной получается смех завыванием грубым,
Словно ослица ревет, жернов тяжёлый взвалив. (5, с.382)

Самый парадоксальный, на первый взгляд, объект смеха – смерть. Что может быть смешного в конечности земного бытия? Смешна ли беспощадная и всё пожирающая Старуха с косой? Правда, для самосознания людей, представляющих время как круговорот повторяющихся событий и собственного возрождения или признающих вечное существование духовной субстанции, физическая смерть не означает полного конца и связана с проблемой посмертного существования. Вероятно, с подобными представлениями связана давняя японская традиция, отголоски которой существуют до сих пор: во время и после похорон близких надлежало улыбаться и посмеиваться.

Безусловна трагическая сторона смерти. Но есть и другое: торжество жизни. И смех означает борьбу нового с уходящим, рождение и воскресение, победу живого над мёртвым. Смерть, как обобщённо-отвлечённый образ, частый персонаж интермедий, пародий, разыгрывавшихся на площадях городов и сельской местности странствующими актёрами Европы, в том числе Украины и России, от средневековья до новейшего времени и популярным в 17 – 19 столетиях вертепным театром. Известны шутки над разного рода страшилами и смертью в День всех святых в Соединённых штатах, «весёлые» маски смерти и сахарные черепа, изготавливающиеся ко дню повиновения усопших в Мексике и т.д.

В народных обычаях европейского средневековья и Возрождения существовали пародийные «похороны», восходящие к языческим ритуалам. Погребальное шествие возглавляли танцующие фигляры, на носилках несли «усопшего». Провожали его шуточными песнями, смехом, приплясыванием. (4, с.124 – 125). «Покойником» мог быть ряженный человек, который после церемонии «оживал» или его выкупали, после чего он также возвращался в мир живых; либо деревянный чурбан, связанный пучок трав или веток дерева, тряпичная кукла, тогда их сжигали. Обычно эти игры происходили на Святки и Масленицу, означая изгнание старого года или зимы, знаменуя полноту жизни, преодоление злого начала, смерти и приумножение человеческого рода, обильный урожай. Некоторые элементы этой традиции сохранились до нашего времени, например, в Украине, и включаются в игровые действия на Масленицу, в праздник «Проводы Зимы».

При всём сходстве оценок, однотипности понимания парадоксального и отношения к объектам, выражающим сущностные проявления общечеловеческого, критерии смешного, акцентуации всегда историчны, имеют свою специфику в каждую эпоху, но это тема отдельного разговора.

В качестве приложения к статье предлагается тест для женщин неизвестных авторов. (3.)

ТЕСТ.

К смеху со всей серьёзностью.

Авторы этого теста считают, что характер человека узнаётся и будущее прогнозируется не только из его поступков, манеры разговаривать. Каждый из нас имеет

характерные жесты и движения, над которыми он не задумывается. Это касается и смеха. Как бы вы ни смеялись – громко, потихоньку, смущённо, звонко или с хрипотцой, всегда смех в какой-то мере соответствует вашему характеру. Предлагается десять наиболее распространённых «видов» смеха. Нужно найти в этой десятке и свою манеру смеяться, немного узнав о своём характере.

1. Типично ли для вас при смехе касаться мизинцем своих губ? Если да, то...

Это означает, что у вас имеется собственное представление о «хорошем» тоне, грации и женственности, и что вы твёрдо следуете этим представлениям всегда и везде. Вам нравится быть в центре внимания.

2. Прикрываете ли при смехе рот рукой? Если да, то...

Вы несколько робки и не слишком уверены в себе. Часто смущаетесь, предпочитаете оставаться в тени и, как говорят, не раскрываться. Наш совет: не перегибайте с самоанализом и чрезмерной самокритикой.

3. Часто ли при смехе запрокидываете голову? Если да, то...

Вы, очевидно, доверчивы и легковерны. Но, в то же время, у вас широкая натура. Иногда делаете неожиданные поступки, соглашаясь лишь со своими чувствами. А стоит, пожалуй, больше полагаться на разум.

4. Касаетесь ли при смехе рукой лица или головы? Если да, то...

Скорее всего, вы мечтательница, фантазёрка. Это, конечно, не плохо. Но надо ли так целеустремлённо стараться осуществлять свои грёзы, порой совсем не реальные? Больше трезвости и реалистического подхода к жизненным проблемам – вот наш вам совет.

5. Морщите ли вы нос, когда смеётесь? Если да, то...

Ваши взгляды и чувства быстро меняются. Вы человек эмоциональный и, видимо, капризный. Легко поддаётесь минутному настроению, что создаёт трудности и для вас и для окружающих.

6. Смеётесь громко, с раскрытыми устами? Если да, то...

Вы принадлежите к людям темпераментным, подвижным. Немного сдержанности, уверенности вам бы не помешало. Вы умеете поговорить, но умеете и послушать!

7. Наклоняете голову, прежде, чем рассмеяться? Если да, то...

Вы из людей добросердечных, совестливых, привыкших приспособливаться к обстановке и людям. Ваши чувства и поступки всегда под контролем. Никого никогда не огорчите, не расстроите.

8. Держитесь ли вы при смехе за подбородок? Если да, то...

Какой бы ни был ваш возраст, совершенно очевидно, что в своём характере вы сохранили черты юности и, наверное, поэтому поступаете часто без долгих раздумий (не слишком ли порой опрометчиво?).

9. Прищуриваете ли вы веки, когда смеётесь? Если да, то...

Это свидетельствует об уравновешенности, вашей уверенности в себе, незаурядном уме. Вы деятельны и настойчивы, иногда, быть может, больше, чем нужно.

10. У вас нет определённой манеры смеяться? Если да, то...

Очевидно, вы принадлежите к индивидуалистам: Во всём и всегда в первую очередь руководствуетесь собственными мнениями и суждениями, часто пренебрегая взглядами других. Пожалуй, это многим из вашего окружения не нравится...

1. Античная литература. – М., 1986.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. – М., 1990.

3. Газета «ОРЕОЛ» – Омск, 1991. – №38.

4. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. – М., 1988.

5. Овидий. Наука любви// Античная литература. Рим. Хрестоматия. – М., 1981.

6. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983.